

Первый снег

Автор: Давид Январский

Давид Январский

Первый снег

«Автор»

2026

Январский Д.

Первый снег / Д. Январский — «Автор», 2026

В центре истории — путь парня, который чувствует, что снова свернул не туда. Старая усадьба, ноябрьский туман, бесконечные сомнения и ощущение, что жизнь превратилась в выцветшую фотографию. Глеб остро переживает собственные ошибки, тяжело несёт чувство вины за упущенные возможности и пытается понять, где проходит граница между страхом жить и желанием исчезнуть. Рассказ сочетает психологический реализм с лирическими эпизодами, связанными с памятью о мечте, о море, которого никогда не было, и о женщине, которая не даёт ему раствориться в серости. Рассказ о том, что иногда единственное, что удерживает человека на земле — это чья-то тёплая ладонь в его холодной.

© Январский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Первый снег.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Давид Январский

Первый снег

Первый снег.

Сон был густым, тягучим и ослепительно ярким.

Глеб стоял босиком на раскалённом белом песке, и жар приятно покалывал ступни, поднимаясь по икрам тёплой, живой волной. Море перед ним было не просто голубым — оно было цветом самого бытия, плотным, сверкающим, шумящим бесконечным обещанием счастья. Солнце било в глаза, заставляя щуриться, и этот свет был таким чистым, что казалось, будто он смывает с кожи всю грязь, всю усталость, всё, что накопилось за годы сомнений. Рядом стояла она. Ветер трепал её волосы, откидывая их назад, и она смеялась — так звонко и легко, что смех этот растворялся в шуме прибоя, становясь частью этого идеального, застывшего в вечности момента. Он чувствовал к ней самую чистую любовь. Он знал, что всё идёт именно так, как и планировалось. Никаких развилочных троп, никаких «а что, если», никаких тяжёлых, липких сомнений. Только путь и свет.

Потом мир треснул с таким тихим, противным звуком, похожим на то, как ломается сухая ветка под ногой. Солнце погасло. Песок под ногами исчез. Смех оборвался, утонул в серой, беззвучной пелене.

Глеб открыл глаза.

Ноябрьское утро в усадьбе проступало из серой, влажной марли, повисшей над хвойниками. За двойным стеклом, за потемневшим от сырости, облупившимся косяком окна, туман уже начинал дышать — неспешно, монотонно. Он лез в щели, пах сосновой корой, сырой землёй и прелым мхом. Где-то вдалеке, глухо и ритмично стучали колёса товарняка. Звук этот не раздражал, а становился фоном, словно замедленное биение чужого, равнодушного сердца. Пол под кроватью едва ощутимо вибрировал от проходящего состава.

Глеб лежал под одеялом, тяжёлым, как свинец, вжимаясь затылком в холодную, пахнущую старым пером подушку. На нём была лишь тонкая, хлопковая рубаша с оторванной пуговицей у ворота — в ней он спал, когда силы покидали его окончательно, когда не было желания даже переодеться перед сном. Ткань прилипла к вспотевшим груди и спине. Он не шевелился. Он молил Бога об одном: чтобы этот день просто не наступал. Чтобы земля остановилась, часы в коридоре заржавели намертво, а мир, требующий от него движений, смыслов и решений, отвернулся и забыл про него.

Внутри, где-то под рёбрами, ныло. Это была не физическая боль, а нечто более скверное — ощущение, что в груди разбили сырое яйцо. Холодное, тягучее чувство вины и упущенных возможностей, которое он носил в себе последние годы своей напрасной, как ему казалось, жизни. Он снова свернул не туда. Снова выбрал не ту дорогу. Снова позволил мечте отдалиться, превратиться в мираж, который теперь вот так жестоко терзал его во сне.

В голове всплывали обрывки — чьё-то лицо, отвернувшееся в последний момент. Слова, сказанные слишком поздно. Дверь, которую он не открыл, когда ещё было можно. И каждый раз он просыпался с одним и тем же чувством: он снова опоздал. Снова выбрал не то. Снова сдался.

— Опять этот сон? — голос прозвучал тихо, почти на грани слышимости, но в тишине комнаты стал самым родным, что было на свете.

Глеб медленно повернул голову.

Агата сидела на краю его кровати, поджав под себя ноги. На ней было тёмное шёлковое платье, скользкая ткань которого мягко облегала фигуру, а поверх — объёмный бежевый кар-

диган крупной вязки, небрежно спущенный с одного плеча. В этом полумраке, среди запахов сырости и старой бумаги, она казалась единственной живой, тёплой точкой. Её тёмные волосы падали на лицо, скрывая половину профиля, но Глеб знал это лицо наизусть: выразительные скулы, полные губы и глаза — глубокие, карие, полные бесконечной, тёплой, как лето, нежности.

Её пальцы, тонкие и горячие, легли ему на лоб, откидывая влажные пряди. Прикосновение было таким привычным, таким родным, что Глеб невольно закрыл глаза и чуть подался вперёд, вжимаясь щекой в её ладонь.

— Мне снилось море, — прошептал он, и голос показался ему чужим, скрипучим, как оконная рама.

— Я знаю, — тихо ответила Агата, её большой палец мягко очертил линию его скулы. — Ты разговаривал во сне сегодня. Тебе было хорошо.

Глеб открыл глаза и посмотрел на неё. В её лице и взгляде он читал всё: и понимание его бессилия, и любовь к его сломанности, и ту тихую грусть, которая всегда жила в уголках её губ.

— А тебе? — спросил он, и в его голосе прорезалась привычная ему неуверенность. — Тебе снилось что-нибудь?

Агата чуть склонила голову, и кардиган сполз с плеча ещё ниже. Она медленно наклонилась и поцеловала его в лоб — легко, почти невесомо, но этот поцелуй обжёг кожу сильнее, чем южное солнце в его сне.

— Мне тоже иногда снится, — сказала она, не убирая руки с его лица. — Только я никогда не была у моря. Но мне достаточно смотреть на тебя, когда ты о нём мечтаешь. Я чувствую этот песок и ветер через тебя.

Она медленно провела ладонью по его щеке, спускаясь к шее, чувствуя пульс под тонкой кожей. Он увидел, как её грудь плавно поднялась и опустилась — она делала глубокий, почти незаметный вдох, закрыв на секунду глаза. Для неё это прикосновение было как глоток чистого воздуха — она словно вдыхала его жизнь, его тепло, чтобы самой почувствовать себя не просто существующей, а живой.

— Агата, — тихо позвал он, и в горле зацепало. — Я не могу. Особенно сегодня. Я просто полежу. Ещё час. Или два.

Она открыла глаза и улыбнулась. Улыбка вышла грустной, но такой светлой, что, казалось, разгоняла туман за окном. Она сдвинулась ближе, ложась рядом с ним на узкую кровать, обнимая его за плечи и притягивая к себе. Глеб уткнулся лицом в её шею, вдыхая её запах. Женские волосы пахли дымом и старыми книгами, а кожа — едва уловимым, сладковатым парфюмом, который так странно и уютно контрастировал с ноябрьской сыростью. Глеб почувствовал её — ту самую, единственную тяжесть, которая удерживала его на земле.

— Ты опять решил, что если не будешь двигаться, то время тебя не заметит и пройдёт мимо? — прошептала она ему в волосы, её голос вибрировал где-то глубоко в груди. — Глеб, посмотри на меня.

Он неохотно поднял голову.

— Чего ты боишься? — спросила она просто, без лишних слов, глядя прямо в его глаза.

Глеб открыл рот, но слова застряли где-то в горле, тяжёлым, липким комом. Он смотрел в её карие глаза, в которых отражался он сам — уставший, сломанный, — и не мог выдавить ни звука. Тишина в комнате стала густой, почти осязаемой; в неё вплетался лишь далёкий, ритмичный стук товарняка за окном — длинного, бесконечного, от которого дрожали стёкла усадьбы.

Агата не стала торопить его. Она лишь медленно провела большим пальцем по его ключице, словно глядя незримый шрам, и тихо выдохнула.

— Ты молчишь, — сказала она, и в её голосе не было ни капли упрёка, — потому что знаешь: если произнесёшь это вслух, страх обретёт имя, тяжесть и форму. Станет настоящим. Как человек. А пока он внутри, ты можешь прятать его так долго, как только захочется.

Глеб сглотнул. Она попала в самое сердце, как всегда. Он опустил глаза, не в силах выдержать этот пронзительный, всё понимающий взгляд, и уткнулся лицом в подушку. Пальцы его вцепились в простыню, а тело напрялось, отзываясь лёгкой дрожью.

Агата молча отстранилась. Глеб слышал, как она встала с кровати, как её босые ступни тихо прошли по ледяному полу. Он не поднимал головы. Агата подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Где-то вдалеке, за старым садом, где пролегали рельсы, затихал стук товарняка — последний вагон уходил в туман, унося с собой запах гари и тяжёлую вибрацию рельсов. Сад тянулся на сотни метров — одичавший, заросший, с больными деревьями, чьи ветви переплетались так густо, что летом здесь можно было заблудиться. Узкие тропы, покрытые опавшей листвой, вели к дальнему краю, где когда-то стояла ограда.

— А пойдём к железной дороге, — сказала она вдруг, и в её голосе появилась та самая лёгкая, живая интонация, от которой у Глеба всегда теплело на душе.

Он повернулся к ней. Агата стояла у окна с чуть склонённой набок головой, и тёмные волосы скользнули по её плечу. Её лицо было спокойным, но в уголках губ играла едва заметная улыбка.

— Мне нужен кто-то, кто не позволит мне упасть, — продолжила она. — Ты же знаешь, там сейчас мокро и скользко.

Она вернулась к кровати, опустила на её край и взяла его ладонь, прижав к своей щеке. Её кожа была горячей, живой. Она смотрела на него сверху вниз, и в её глазах мелькнула уязвимость, которую она так редко показывала.

— Мне нужна твоя рука, Глеб. Сильная, — сказала она, и её голос стал тише, почти интимным. — Чтобы держала меня, когда я буду идти по рельсу, как по канату.

Глеб моргнул. Тяжёлый ком в горле никуда не делся. Но вдруг, совершенно неожиданно, он заметил — её пальцы дрожали. Едва заметно. И тогда он перестал воспринимать её просто как тепло и присутствие. Он увидел, насколько тонкой и хрупкой была её рука в его ладони, насколько уязвимыми казались её скулы под его пальцами. Его мозг, привыкший жевать бесконечные «зачем» и «почему», на секунду замолчал. Перед ним была не его боль, не его страх, не его никчёмность. Перед ним была женщина, которая просила его о помощи и нуждалась в нём прямо сейчас.

— А если ты завалишься на меня, и мы упадём вместе? — спросил он, и это было первое честное возражение за всё утро.

Агата удивлённо замерла. Её брови медленно поползли вверх, а в карих глазах вспыхнули опасные, игривые искорки. Она скрестила руки на груди, отчего бежевый кардиган ещё больше сполз с плеча, обнажая тонкую бретель шелкового платья, и слегка наклонила голову.

— Глеб, — произнесла она с той самой интонацией, от которой у мужчин обычно холодеют пятки, — ты только что намекнул, что мне пора похудеть?

Глеб моргнул, осознав, в какую ловушку сам себя загнал. Ком в горле на секунду исчез, уступив место лёгкой, совершенно бытовой панике.

— Нет, что ты, — быстро пробормотал он, и на его щеках, несмотря на утреннюю бледность, проступил слабый румянец. — Я имел в виду... шпалы. Они скользкие. И ветер.

Агата рассмеялась. Тихо, низким, грудным смехом, от которого по комнате разлилось тепло. Она разжала руки, наклонилась к нему и поцеловала его в щёку.

— Не упадём, — сказала она, и в её голосе зазвучала сталь, завёрнутая в бархат. — Ты меня удержишь. Я в тебя верю. А теперь вставай, любимый. Будем собираться.

Она поднялась с края кровати, и шёлковое платье тихо шелестнуло в полумраке. Агата поправила свой объёмный кардиган и направилась к двери, даже не оглядываясь, потому что знала — он пойдёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.